

УДК 82

РОМАН А.С. ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»: ЛЮБОВНАЯ ИНТРИГА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ

© 2011 г.

И.С. Юхнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.01.2010

Рассматриваются особенности общения между героями, составившими любовный треугольник в романе Пушкина «Дубровский». Данный подход позволяет пересмотреть существующие интерпретации произведения, а также осветить вопрос о причинах его незавершённости.

Ключевые слова: Пушкин, «Дубровский», любовная интрига, диалог, речевое поведение, речевой тип, общение, коммуникация.

Пушкин не закончил роман, основу которого составила история дворянина, возглавившего взбунтовавшихся крестьян. Это произведение выросло «из одного подлинного документа – дела об отобрании имения крупным помещиком у мелкого. По-видимому, подлинность этого документа, полностью включённого в роман, и была главным стимулом к романтическому замыслу» [1, с. 117]. В произведении переплелись две линии: социальная и любовная. В литературоведении утвердилась мысль, что любовная интрига здесь вторична и, в отличие от социальной, искусственна, традиционна. Так, например, Е.А. Маймин отмечает: «Повесть удалась в своей исторической сфере: в том, что относилось к историческим типам, к историко-жанровым зарисовкам. Лирическая сторона повести, молодые герои и связанное с ними фабульное развитие удались меньше» [2, с. 188]. А Б.В. Томашевский объясняет «мелодраматический характер героя и механичность романтической интриги» зависимостью «Дубровского» от поэтики традиционного «разбойничьего» романа [1, с. 116]. Однако если проследить, как в «Дубровском» осуществляется любовное общение, то это позволит прояснить сюжетную логику произведения и отвести «упрёки» исследователей по поводу неудачно выстроенной любовной интриги.

Надо отметить, что мысль о «литературности» «Дубровского» стала своего рода общим местом в исследованиях повести. Этот вопрос хорошо разработан. Установлена связь повести с западноевропейской традицией (произведениями В. Скотта, Ж. Санд), а также и с русской – романом Р.М. Зотова «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» [3]. Обращает на себя внимание тот факт, что как только делается акцент на отечественной традиции, так ос-

мысление собственно литературной природы произведения уходит на второй план, а исследователи переключаются на анализ реально-исторического контекста. Так, выявляя русскую литературную традицию в «Дубровском», В.Н. Глухов вскрывает параллельно историческую основу образа Троекурова, что позволяет ему уточнить возможную датировку событий произведения. Актуализация «русской» природы повести, реальной исторической основы сюжета приводит исследователя к выводу, что «Пушкин отказывается от «счастливой» развязки в отношениях между героем и героиней, так как видит её нереальность» [3, с. 20]. Возникает вопрос, что же делает эту развязку «нереальной», особенно если учесть первоначальный замысел: Островский (так звали героя в первых набросках) бежит с героиней и женится на ней.

Анализ коммуникативных контактов героев, составляющих любовный треугольник, показывает, что черновой вариант – это не просто не «пушкинский финал». Это финал, не вытекающий из того, что «даёт» развивающийся сюжет, что несут в себе психологические и социальные типы, сведённые в любовной интриге произведения.

В любовной интриге выделяются две линии: с одной стороны, Марья Кириловна и Дубровский, с другой – Марья Кириловна и Верейский. И в обоих случаях по-разному, диаметрально противоположно выстраивается процесс общения.

Первые отношения во многом литературны и традиционны. В их основе лежит таинственная романтическая история, словно почерпнутая из литературы (в том, как они развиваются, есть переключки с «Метелью», «Барышней-крестьянкой», в которых разрушается литературный штамп). Не случайно Пушкин упоминает круг чтения Марьи Кириловны: в библиотеке

Троекурова представлены в основном сочинения французских писателей XVIII века, но захватывают внимание героини романы, а не серьезные труды просветителей. Пушкин даёт такую характеристику Марье Кириловне как читательнице: «пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами мадам Радклиф».

В общении Марьи Кириловны с Дубровским можно выделить два этапа. Первый – когда Дубровский предстает в облике французского учителя. Второй – когда раскрывается тайна и Дубровский действует под своим истинным именем.

В первом случае общение между Марьей Кириловной и Дефоржем-Дубровским выстраивается по типичной для жизни и литературы той поры парадигме: социальное неравенство предопределяет, что это любовь без будущего. Герои много времени проводят вместе. Однако увлечение учителем спровоцировано историей с медведем. Чувство возникает тогда, когда совершён поступок – и заурядный француз переходит в разряд героев. Немалую роль в досоздании образа романтического героя играет светский навык Дефоржа-Дубровского: он прекрасный танцор, естественен и органичен в провинциальной светской жизни. Ему, по сути, не приходится играть роли: на провинциальных раутах он, вероятно, таков же, каким был и в столице.

На этом этапе в общении между Марьей Кириловной и Дубровским используются большей частью невербальные формы выражения чувств: совместное музицирование, молчание, красноречивые долгие взгляды. Молчание в таких ситуациях говорит больше, чем могло бы сказать слово.

Иначе осуществляется общение между героями, когда открывается тайна Дубровского. Эта линия включает три эпизода, три объяснения, три коммуникативных контакта: Дубровский открывается Маше, Маша говорит ему о сватовстве Верейского. И последняя встреча – диалог на дороге в Арбатове после венчания.

Что обращает на себя внимание? В двух случаях (когда раскрывается самозванство Дубровского и когда Дубровский призывается на помощь) реализуются приметы балладного таинственного мира: встречи происходят ночью, при лунном свете. Дубровский, ожидающий Марью Кириловну, выступает из темноты, и его появление из мрака неожиданно и пугает героиню. Первая реплика в обоих случаях принадлежит Дубровскому, и произносится она «тихим и печальным голосом». В этих сценах Дубровский предстает как ночной призрачный гость, как

жених-мертвец. Усиливается это впечатление бледностью героев и введением мотива статуарности: Пушкин фиксирует застывшие, скульптурные позы.

Балладный антураж символичен: отношения между героями невозможны – не случайны акценты на признаках, знаках смерти.

Тупиковость, нежизнеспособность отношений героев подчеркивается и тем, что каждый раз не реализуется та программа общения, которая прогнозируется героиней. Ожидания девушки оказываются «опрокинутыми», нереализованными.

Так, спеша на первое свидание, Марья Кириловна предчувствует любовное объяснение, но перед ней оказывается не тот, кого она ожидает, – не скромный учитель, а самозванец, прикрывшийся чужим именем. По дороге к беседе девушка продумывает возможную стратегию поведения: перебирает варианты эмоций («с аристократическим ли негодованием, с увещеваниями ли дружбы, с весёлыми шутками, или с безмолвным участием») [4, с. 204]), возможных реплик. Откуда эти модели поведения? Из прочитанных романов. И те первые слова, которые она произносит, – из этого, придуманного разговора. Поначалу она не слышит Дубровского, не догадывается о том, что сулит ей эта встреча. Но уже третья реплика всё переворачивает: ни одна из стратегий не реализуется, так как разговор принимает неожиданный оборот. И если в своём воображении Марья Кириловна видела себя задающей направление общения, диктующей интонации, настроение, то в реальности центром сцены становится монолог Дубровского, а открывшаяся тайна заставляет героиню молчать, вызывает у нее слёзы, окаменение. Вот её реакции и жесты: «стояла неподвижно», «плакала молча», «прошептала бедная красавица» [4, с. 205, 206]. А потом Троекуров завершит впечатление: «Ты бледна, Маша» [4, с. 206].

Вторая встреча героев также происходит ночью («июльская ночь была тиха»), также из темноты «проявляется» Дубровский, уже ожидающий Марью Кириловну. Его голос всё такой же «тихий и печальный».

И в этом случае не реализуется то, чего ожидает от встречи с Дубровским девушка. Она ждёт защиты – об этом её развернутое высказывание. Но в итоге её слова становятся отказом от помощи Дубровского. Она ждала спасения, но её речь – опасение, чем может обернуться «защита», и призыв: «Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите – я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...» [4, с. 211].

Этот диалог героев поначалу выстраивается как диалог чувства и рассудка. Марья Кириловна – во власти эмоций, они и выплескиваются. Но в ответ она слышит рассудительный, трезвый голос Дубровского, который воплощает «здравый смысл». Он понимает, что убедить Троекурова Маше не удастся, и, по сути, опровергает то, что диктует чувство. В этом диалоге есть очень важный момент – момент своеобразного катарсиса. Поворотной точкой станет реплика Марьи Кириловны: *«Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною – я буду вашей женою»* [4, с. 212]. Она оглашает мысль, которая ранее промелькнула в её сознании: *«Нет, нет, – повторяла она в отчаянии, – лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского»* [4, с. 211]. И Пушкин особо фиксирует реакцию Дубровского на эти слова героини: *«Дубровский затрепетал – бледное лицо покрылось багровым румянцем, и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал – потупя голову»* [4, с. 212]. Что происходит с ним в этот момент? Почему возникает долгое молчание? Для героя это – ситуация выбора: принять отчаянное решение Марьи Кириловны или же найти иной путь. Именно в этот момент рождается то, что потом, на дороге, воплотится в слово: *«Вы свободны...»*. Вероятно, именно это решение («я буду вашей женою»), и контекст, в котором произносится эта реплика, открывает Дубровскому истину: его чувство безответно, а потому он отказывается от своей мечты быть рядом с Марьей Кириловной. Это то мгновение, когда человек поднимается выше личной амбиции – и жертвует своим чувством. Есть ещё один нюанс: когда-то подобный исход входил в жизненную программу Дубровского – светского повесы. В Петербурге он *«...играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем, и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости»* (выделено мной. – И.Ю.) [4, с. 172].

После молчания произойдет перелом в диалоге – и Дубровский, следовавший голосу рассудка, вдруг, противореча сам себе, начинает призывать к тому, во что только что сам не верил: *«...умоляйте отца, бросьтесь к его ногам...»* [4, с. 212]

Последняя встреча героев происходит на дороге. И перед Дубровским стоит не та Маша, с которой он музицировал в доме Троекурова. На его глазах «рождается» княгиня, Марья Кириловна совершает свой первый осознанный выбор, сама – за себя – произносит...: *« – Вы свободны, – продолжал Дубровский, обращаясь к бледной кн<ягине>. – Нет, – отвечала она. – Поздно – я обвенчана, я жена князя Верейского. – Что вы говорите, – закричал с отчаяния Дуб-*

ровский, – нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться... – Я согласилась, я дала клятву, – возразила она с твердостью, – князь мой муж, прикажите освободить его, и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас» [4, с. 221].

Как видим, полноценного общения: реального контакта, динамики, душевного единения – в диалогах Марьи Кириловны с Дубровским нет. В финале всегда возникает тупик, а после встреч героиня испытывает тяжёлое чувство, опустошение... В результате и диалог в этой линии не выполняет своей главной функции – изображать процесс общения, но он связан с сюжетом, задаёт его развитие. Тип общения между героями мотивирует разрешение этой линии.

А вот с Верейским иначе. Общение с князем до того, как он приобретет статус жениха [1], интересно и приятно Марье Кириловне. Он заинтересовывает её рассказами, историями, что постоянно подчёркивается Пушкиным. Общение с ним разнообразное, лёгкое, живое и естественное, а вместе с тем интеллектуально насыщенное. Даже его комплименты, хоть и традиционны, но искусны. Князь утонченнее и изощреннее, чем все, с кем до сих пор общалась героиня. День, проведённый в имении Верейского, стал для девушки ярким событием и вместил много разнообразных впечатлений. Князь не только увлекает разговором, но также умело создает вокруг себя ореол тайны: вспомним туманное объяснение по поводу «памятника с тайной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворённое учтивыми недомолвками князя...»

То, как осуществляется процесс общения героев до сватовства, как раз и показывает, что именно в этом общении есть будущее, так как оно не только увлекает, но и серьёзно расширяет кругозор. И позже князь так выстраивает свою линию поведения с Марьей Кириловной, что не вызывает сомнения: контакт и интерес возобновятся. Так, во время возвращения из церкви: *«К<нязь> обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор её быстро их обежал – и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели в карету и поехали в <Арбатово>; туда уже отправился Кирилл Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женой кн<язь> нимало не был смущен её холодным видом. Он не стал докучать ее приторными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты, и не требовали ответов»* [4, с.220].

Таким образом, диалог оказывается мотивированным тем, какой тип общения установился между героями. А коммуникативный аспект анализа позволяет осознать психологические мотивы поведения героев, их жизненный выбор.

Примечание

1. См. как меняется после этого её оценка князя: «...он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным – брак пугал её как плаха, как могила... “Нет, нет, – повторяла она в отчаянии, лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского”».

Список литературы

1. Томашевский Б.В. Пушкин и народность // Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. М.: «Книга», 1990. С. 78–129.
2. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1984. 208 с.
3. Глухов В.Н. К истории создания романа «Дубровский» // Болдинские чтения. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. С. 15–24.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т.8 (1). М.: Воскресение, 1995. 496 с.

THE NOVEL "DUBROVSKY" BY A.S. PUSHKIN: A LOVE AFFAIR IN THE LIGHT OF THE COMMUNICATION PROBLEM

I.S. Yukhnova

The author considers the interaction between the characters making up a love triangle in the novel "Dubrovsky" by A.S. Pushkin. This approach allows us to reconsider the existing interpretations of the novel and to clarify the question about the reasons for its being unfinished.

Keywords: Pushkin, "Dubrovsky", love affair, dialogue, language behavior, speech type, communication.